

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ВЛАСТИ И КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПТОЛОГИИ

А.И. Бардаков

Волгоградская академия государственной службы

Многообразие прошлых и современных исследований о мире социальности, к сожалению, не приближает человечество к постижению истины о путях его развития. Наше обращение к проблемам познания власти и культуры в концептологии обусловлено ее позиционированием как метадисциплинарного знания, пределы релевантности которого требуют своего определения.

Солидаризируясь с мнением С.С.Неретиной и А.П.Огурцова в том, что концепт следует истолковать не только «... как логически смысловой компонент глубинной семантической структуры отдельного высказывания или цепочки высказываний. ... схватывание, замысел, но и зачатие»,¹ отметим, что сама концептология находится на этапе зачатия или своего раннего становления. К ее становлению причастны лингвисты, философы и политологи, которые единодушны во мнении об аксиологической атрибутивности концептов. Ценностный аспект концепта закладывает определенную логику восприятия мира и самым непосредственным образом влияет на эпистемологию власти и культуры.

Надо заметить, что лингвистическая концептология тесно переплетена с культурой и, по мнению В.И.Карасика, наличие лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов понимания концептов предполагает «... выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида».² Ориентация лингвистов на ценностную сторону культуры позволяет им достигать высокой научной продуктивности при решении лингвокультурологических проблем. В пределах лингвистического исследовательского поля дефиниция концепта лингвокультурологии обладает полнотой и точностью: «... культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная

¹ Неретина С.С. Концепты политического сознания / С.С. Неретина, А.П. Огурцов // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2009. – № 1. – С. 64.

² Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – С. 139.

стороны»³, концепт является «... базовой единицей культуры, ее концентратом»⁴ и первичным культурным образованием.⁵

В политической концептологии не наблюдается непосредственной включенности термина «культура» в исследовательское поле, но, характеризуя властно-управленческие отношения, политологи всякий раз апеллируют к уровню культуры исследуемого общества и оценивают власть в координатах культуры. Так, В.П.Макаренко, осуществляя критический анализ коммунитаристской теории, замечает: «Люди не могут выпрыгнуть за рамки собственной истории и культуры, которые воплощены в конкретных состояниях общества».⁶

Наиболее наглядно это проявляется в исследованиях А.В.Лубского, который утверждает, что «политическая концептология В.П.Макаренко – это стремление к целостному теоретическому и аксиологическому восприятию и воспроизведению политической реальности».⁷ Развивая идеи политической концептологии, А.В.Лубский полагает, что «семантически политическая концептология – это наука о политических концептах»⁸, а политические концепты в научном дискурсе, по его мнению, «... это теоретические конструкты, наполненные аксиологическим содержанием».⁹ На ценностный характер политической концептологии обращает внимание и С.Г.Чукин в своей рецензии на книгу В.П.Макаренко «Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии».¹⁰ Несмотря на краткость выстроенной аргументации, можно утверждать, что в политической концептологии, оперируя социально-политическими концептами как инструментарием познания социальности, определяют общественную значимость власти в лоне ценностного подхода культуры.

Трактовка культуры как части, элемента, момента, функции общества является доминирующим в научном знании. Попытки сформулировать универсальное понятие «культура» и тем более сформировать некое однозначное представление об этой, всеми признаваемой реальности, остаются безуспешными. Одной из причин этого состояния знания, на наш взгляд, является восприятие данного феномена, как части или сферы общественной жизни.

Так, Н.Ф.Алефиренко в предисловии к своей книге «Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры» констатирует, что

³ Там же. – С. 129.

⁴ Там же. – С. 138.

⁵ Там же. – С. 147.

⁶ Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. – М., 2005. – С. 169.

⁷ Лубский А.В. Политическая концептология как «захват мира политики» и приглашение к дискурсу // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2009. – № 1. – С. 122.

⁸ Лубский А.В. Указ.соч., – С. 117.

⁹ Там же. – С. 117.

¹⁰ Чукин С.Г. Размышления над книгой В.П. Макаренко «Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии». Рецензия. [Электронный ресурс]. – Ростов-на-Дону, 2006. – <http://polittheory.narod.ru>

культура является особой сферой общественной жизни.¹¹ Раскрывая механизмы взаимосвязи знания, языкового сознания и культуры, ученый пишет: «... культура – это исторически обусловленный способ организации человеческого сознания».¹² Предлагая свою редакцию цитируемой нами мысли Н.Ф.Алефиренко: *культура – это исторически обусловленный процесс формирования (возделывания) человеческих качеств индивида*, мы разделяем в этой части идею трактовки культуры известным лингвистом.

Мысль о корреляции культуры с человеческими качествами высказывается и С.Х.Ляпиным, который участвовал в обсуждении проблем концептологии в 90-е годы XX века. Он определяет культуру как «... универсальное измерение человеческого бытия, в котором любые фрагменты природы и (или) результаты человеческой деятельности становятся образцами, ... по которым ... разворачиваются другие ... структуры человеческого отношения к миру»¹³, или «... как обобщенно-универсальный ... способ самоорганизации и саморазвития человеческого бытия».¹⁴ Если же принять исходную посылку, что культура – сфера социума, то надо будет признать, что она формирует социальные качества индивида, в том числе, общественное, а не человеческое сознание. Соответственно, необходимо поставить знак равенства между культурой и идеологией, политическими технологиями и т.д. или, по крайней мере, ставить ее в один ряд с феноменами, которые носят явно антигуманный, антикультурный характер.

Соглашаясь с тем, что концептология значительно расширяет исследовательский потенциал ученых в формулировании оценочных (культурных) характеристик социальных явлений, следует заметить, что корреляция современной культуры с прошлыми и нынешними реалиями власти достаточно затруднена. Надежды на то, что власть обретет культурные формы и будет осуществляться в рамках общечеловеческих ценностей, были окончательно развеяны асоциальными действиями политических систем XX века. Более того «... в XX в., – по мнению С.С.Неретиной и А.П.Огурцова, – наблюдается обратный процесс - проникновения политики, отождествляемой с властью, во все сферы жизни».¹⁵ За многовековую историю человечества сущность власти осталась неизменной – господство внутри социальной системы; стремление к господству над соседом-государством, над соседним континентом остается практикой XXI века.

¹¹ Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М., 2002. – С. 8.

¹² Там же. – С. 191.

¹³ Ляпин С.Х. Концептологическая формула факта // Концепты / Научные труды Центроконцепта. Вып. 2 (2). Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. – С. 55.

¹⁴ Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты / Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. – С.17.

¹⁵ Неретина С.С. Концепты политического сознания / С.С. Неретина, А.П. Огурцов // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2009. – № 1. – С. 30.

Все это позволяет полагать, что познание культуры социально-политическим инструментарием уподобляется исследованию социальности индивида путем изучения его анатомии. Видимо, есть необходимость в познавательном процессе вычленив культуру и социум не только как относительно самостоятельные, но и как качественно различные феномены, где власть является составляющей последнего. Возможно, в лингвистической концептологии каузальные нестыковки не обретают своей актуальности, так как за словосочетанием «языковая культура» вполне корректно понимать изысканную речь интеллигентов и специфический лексикон уголовников. В рамках же политической концептологии авторы, рассматривающие развитие форм власти, предлагают различные, а порой и взаимоисключающие варианты решения обозначенной проблемы. Но самое главное, каждый из участников этого процесса считает себя творцом явлений культуры, а других называет ретроградами и дикарями. Националисты всех мастей первейшие радетели культуры.

В.П.Макаренко, обстоятельно проанализировав потенциальные возможности неомарксизма, экзистенциализма, антигуманизма и постмодернизма в решении современных политических проблем, приходит к выводу, что они «... не в состоянии осознать главную дилемму современности: участие в политике по-прежнему необходимо, но успех такого участия все более сомнителен».¹⁶ Сомневаются в возможностях политических систем как основания развития человечества не только теоретики концептологии, но и общественные, религиозные деятели. Высший иерарх одной из мировых религий Его Святейшество Далай-Лама отмечает: «... демократия, либерализм, социализм – все великие общественные движения последней сотни с лишним лет, несмотря на множество замечательных идей, так и не смогли выработать универсальную систему ценностей, которую, по идее, должны были обеспечить».¹⁷ Выход из создавшейся ситуации религиозные деятели видят в преобразовании внутреннего мира индивида, в привитии ему духовности. По мнению же В.П.Макаренко, для преодоления современных негативных социальных тенденций «... политика должна приобрести совещательный, а не обязательный характер».¹⁸ Не отрицая возможность преобразования внутреннего мира человека, достаточно сложно представить общество, в котором при принятии политического решения вождь не реализует свою властно-управленческую функцию, а ограничивается лишь рекомендациями. Надеяться на то, что политика обретет совещательный характер, а политические институты при принятии решения будут соблюдать этические нормы, не следует, поскольку социальность в целом и/или ее отдельные феномены в виде власти не могут остановить саморазвитие этой формы

¹⁶ Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2009. – № 1. – С. 88.

¹⁷ Далай-Лама Этика в новом тысячелетии. – М., 2004. – С. 38.

¹⁸ Макаренко В.П. Указ.соч., – С. 96.

бытия человечества. Концепт вечности доминанты социальности в формах организации жизнедеятельности людей приводит к социальному абсурду, проявляющемуся в политической борьбе, безмерном увеличении материальных благ отдельных представителей социума, и стремится утвердить себя как высшую ценность человечества. Прекратить абсурд социальности путем изменения политического устройства обществ не представляется возможным.

В многообразии политических решений проблем социальности в целом и власти в частности теории «множеств» М.Хардта, А.Негри, П.Вирно, Ж.-Л.Нанси, В.Мизиано имеют особое место. Подробное исследование данных теорий С.Г.Чукиным позволило сделать ему оптимистические выводы о дальнейшем развитии социальных систем. Автор полагает, что концепт «множество» проявляется в современной практике в том, что «... современные политтехнологи ... все чаще сталкиваются с непривычным и неприятным для них фактом исчезновения привычных адресатов предвыборного оболванивания».¹⁹ Признавая факт исчезновения определенного количества масс из коммуникационного поля манипулирования общественным сознанием, обратим внимание на два обстоятельства. Первое, если множества, понимаемые как единичности и сингулярности, отказываются от социально-политической деятельности, но идентифицируют себя в формах социальности, то в терминологии Ж.Бодрийяра – это смерть или конец социального, а в целом все это свидетельствует о рецессии в обществе. Второе, если же множества участвуют в социально-политической деятельности, но идентифицируют себя в формах бытия культуры, то это указывает на реальную практику развития человечества, которая в своем будущем имеет весьма опосредованное отношение к социально-политическим теориям.

Видимо, эффективность политической концептологии значительно возрастет, если ее исследовательское поле ограничить рамками социальной жизнедеятельности, а точнее, пределами, где очевидна доминанта общественных взаимосвязей. Исследователи политических концепций, как правило, обнаруживают тот рубикон, за пределами которого находятся формы бытия природы (биология, этология), где их суждения будут носить явно сомнительный характер. Понимая культуру как третью форму бытия наряду с природой и социумом и признавая ее существующей данностью, вполне логично полагать, что политическая концептология обнаружит свою ограниченность, вторгаясь на ее территорию. Так, культурологический категориальный ряд – «справедливость», «добро», «гуманизм», «счастье», «достоинство» и т.д., используемый политической концептологией, не разрывает замкнутого круга. Вести поиск справедливости в социальной системе или пытаться ее моделировать бесперспективно, поскольку сущностью этой системы является взаимная детерминация отношений и людей, с необ-

¹⁹ Чукин С.Г. Об антропологических предпосылках философии политики // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2009. – № 1. – С. 134-135.

ходимостью полагающая реализацию этой самой справедливости за счет других, другого. Пытаться оценить степень доброты власти или же с маниакальной одержимостью вещать об отстраненной власти как ужасе и зле, можно лишь для реализации идеологических установок существующей власти или же по причине отсутствия достаточной научной компетенции.

Можно полагать, что политическая концептология, синтезирующая теоретические знания, значительно продвинется в своем развитии, не вторгаясь в пределы форм бытия культуры. Например, управление является предметом политологического исследования, в пределах этого предмета исследования, определяя его эффективность, можно найти истину, если же мы попытаемся выяснить степень справедливости или уровень доброты управления, то неизбежно попадем в замкнутый круг. Власть, пытающаяся реализовать себя в формах бытия культуры, так же обнаруживает свою бесперспективность. В формах социального бытия всегда существуют властно-организационные структуры, позволяющие определить вождя не только в политике, экономике, но даже на конкурсе «Мисс планеты». В формах же бытия культуры, в координатах человеческих отношений нет необходимости определять, кто самый добрый, справедливый, свободный и даже красивый – власть же, тем не менее, пытается их решить.